

Содержание

ISSN 2587-8190

Алексей Попович. Жертва «живая» и «мертвая». <i>Топос и разноречие контекста в книжности Древней Руси XI–XIV веков.</i>	115
Михаил Люстров. Гренландская тема в русской литературе XVII–XVIII веков	136
Олег Ларионов. К источникам «Разговора о счастье» Н. М. Карамзина	147
Андрей Люстров. Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». <i>Судьба двух редакций в школьном каноне</i>	160
Екатерина Колеватова. Финансовые махинации и драматический конфликт. <i>Сюжетные схемы и функции персонажей в русской драматургии второй половины 1870-х годов</i>	174
Алина Соломонова. Особенности изображения ощущений и создания заболевшего персонажа (<i>на примере произведений А. П. Чехова</i>)	187
Оксана Толстоноженко. К вопросу о конструировании профессиональной идентичности писателей-самоучек в начале XX века	207
Катерина Брылева. Воспоминания зятя. <i>Об одном источнике сведений Николая Гумилева о Т. Готье.</i>	221
Илья Веницкий. «Завещание Сергея Есенина». <i>История одной мистификации.</i>	234
Анастасия Трушина. Функция библейских подтекстов в очерке М. А. Булгакова «Часы жизни и смерти»	276
Екатерина Тарасова. Из чего сделана «Пиковая дама» Евгения Замятина?	282
Александр Кобринский. Хармс – кинозритель. <i>Из реального комментария к записным книжкам</i>	299
Александр Жолковский. Разбор трех разборов. <i>Автоэвристические заметки.</i>	312

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2019 XV (2–3)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2019 (2-3)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Фин-
ляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnââ škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2019

© «Летняя школа по русской литературе», 2019

Contents

Alexey Popovich. Victim “Living” and “Dead”. <i>A Topos and the Contradiction of Context in the Books of Ancient Russia of 11th–14th Centuries</i>	115
Mikhail Ljustrov. Greenland Theme in the 17–18th Centuries Russian Literature.	136
Oleg Larionov. Towards the Sources of Nikolay Karamzin’s “Conversation on Happiness”.	147
Andrey Lyustrov. N. V. Gogol’s “Taras Bulba”. <i>Two versions in the Russian school canon</i>	160
Ekaterina Kolevatova. Financial fraud and dramatic conflict. <i>Plot schemes and character functions in Russian drama in the second half of the 1870s</i>	174
Alina Solomonova. Artistic Peculiarities of Representation an Ill Character’s Esthesia and Consciousness (<i>by the Example of the Works of Anton Chekhov</i>)	187
Oxana Tolstonozhenko. Towards the Invention of Professional Identity of Early 20th Century Autodidact Writers	207
Katerina Bryleva. The memoirs of the son-in-law. <i>One of Nikolai Gumilev’s sources of knowledge about T. Gautier</i>	221
Ilya Vinitsky. “Sergei Esenin’s Last Will and Testament”. <i>The Origins of a Mystification.</i>	234
Anastasia Trushina. The function of biblical subtext in The Story “Hours of Life and Death” by Mikhail Bulgakov	276
Ekaterina Tarasova. What is Evgenij Zamjatin’s “The Queen of Spades” made of?	282
Alexander Kobrinsky. Daniil Kharms as a moviegoer. <i>Preliminary notes</i>	299
Alexander Zholkovsky. Analyzing three analyses. <i>Autoheuristic Notes</i>	312

Editorial Board:

Alexey Balakin, Elena Glukhovskaja,

Aleksander Kobrinskij (Chief Editor),

Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova, Aleksandra Chaban

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.

Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Илья Виноцкий
(Принстон)

«ЗАВЕЩАНИЕ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА»

*История одной мистификации*¹

Аннотация: В статье исследуется таинственное «завещание Сергея Есенина», напечатанное в американской воскресной газете в 1926 году и привлекшее к себе сочувственное внимание нескольких есениноведов. Автор устанавливает, что эта публикация представляет собой первую часть целого цикла фантастических мистификаций, напечатанных в *American Weekly* в 1920–1940-е годы и посвященных необыкновенным приключениям «этрусской вазы» с прахом Есенина и Айседоры Дункан. Этот цикл атрибутируется автором американскому журналисту-мистификатору Ивану Ивановичу Народному-Сибую (1869–1953), названному ФБР «худшим мошенником», когда-либо эмигрировавшим в Америку из России. В статье реконструируется биография и «творческая деятельность» этого неутомимого мистификатора.

Ключевые слова: С. А. Есенин, А. Дункан, биографический миф, русский и американский балет, мистификации, Иван Иванович Народный.

Информация об авторе: Илья Юрьевич Виноцкий, доктор филологических наук, профессор Принстонского университета. Принстон, США.

E-mail: vinitzky@princeton.edu

Sergei Esenin's "Last Will and Testament"

The Origins of a Mystification

Abstract: The present article analyzes the mysterious story about Esenin's "last will and testament," published in an American Sunday newspaper in 1926. The author shows that this publication, which has been quoted by a number of Esenin scholars, was the first part of a cycle of fantastic mystifications published in *The American Weekly* magazine in the 1920–1940s, which dealt with the extraordinary adventures of an "Etruscan vase" with Esenin's and Isadora Duncan's ashes. The author attributes this cycle to an American journalist

---

¹ Настоящая статья представляет собой расширенный и переработанный вариант публикации в интернет-журнале «Горький» от 3 и 4 октября 2019 года.

and compulsive faker Ivan Ivanovich Narodny-Sibul (1869–1953), once labeled by the FBI as “the worst fraud that ever came out of Russia” to the United States. The article reconstructs the biography and “creative career” of this compulsive mystifier.

Key words: Sergei Esenin, Isadora Duncan, biographical myth, Russian and American ballet, mystifications, Ivan Ivanovitch Narodny.

About the author: Пяа Vinitzky, Doctor of Philological Sciences, Professor of Princeton University, Princeton, U. S. A.

E-mail: vinitzky@princeton.edu

DOI 10.26172/2587-8190-2019-15-2-3-234-275

Литературная, стиховая личность Есенина раздулась до пределов иллюзии. Читатель относится к его стихам как к документам, как к письму, полученному по почте от Есенина. Это, конечно, сильно и нужно. Но это и опасно. Может произойти распад, разделение — литературная личность выпадет из стихов, будет жить помимо них.

Юрий Тынянов¹

Не Сезанны, не вазы этрусские
Заревет в восстании питерском.
Золотятся в нем кудри Есенина...

Николай Клюев²

Некогда Ф. М. Достоевский вывел из своего собственного опыта участника спиритического сеанса общечеловеческий «закон неверия»: если я не желаю вполне верить во что-либо, то «никакие доказательства меня уже не поколеблют более никогда».³ Действительно, сколько бы аргументов ни приводили серьезные и честные ученые в опровержение теорий (большевистского-чекистского-еврейского-масонского) заговора против Есенина, упрямые конспирологи остаются на своих позициях. В свою очередь, серьезные историки литературы зачастую с презрением относятся к любым «народным» фантазиям и слухам, не подкрепленным какими-либо

---

¹ Тынянов Ю. Н. Промежуток // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 171.

² Клюев Н. А. Стихотворения. Поэмы / Вступ. ст., сост. и подг. текста К. Азадовского. М., 1991. С. 205.

³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. Т. 22. С. 127, 233–234.

документальными данными. А ведь даже самые бесстыдные и безумные мистификации, фальсификации и легенды могут быть, при методологически правильном подходе, по-своему информативны и культурно значимы.¹

В предлагаемой статье мы хотели бы увести бурную (еще недавно) политическую дискуссию о виновниках смерти поэта и фальсификаторах истории в более спокойное, как нам кажется, русло. Мы расскажем об одной из самых экстравагантных (если не самой экстравагантной и абсурдной) версий смерти Есенина и посмертной судьбе его знаменитого предсмертного стихотворения. Сразу заметим, что нас интересует здесь не столько реальный С. А. Есенин, сколько культурно-мифологическая фантазия выведенного нами на чистую воду истории создателя безумной легенды о русском поэте и его американской возлюбленной.

ЧЕРНИЛЬНИЦА И ВАЗА

В замечательной статье русского писателя и американского слависта Владимира Федоровича Маркова «Легенда о Есенине», вышедшей в журнале «Грани» в 1955 году, «неудача» предсмертных стихов поэта «До свиданья, друг мой, до свиданья» объясняется его безвкусной, почти «опер-

¹ Об историческом смысле и культурной ценности мистификаций, обманов и подделок см.: *Лотман Ю. М.* 1) К проблеме работы с недостоверными источниками // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 2003. С. 324–329; 2) О Хлестакове // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 337–364; Могут ли тексты лгать?: К проблеме работы с недостоверными источниками. Материалы Четвертых Лотмановских дней в Таллинском университете / Ред. и сост. Т. Д. Кузовкина. Tallinn, 2014; *Abramson J.* Learning from Lying: Paradoxes of The Literary Mystification. Newark, 2005; *Eco U.* Travels in Hyper Reality: Essays. San Diego; New York; London, 1986; *Ginzburg C.* The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller. Baltimore, 2013; *Grafton A.* Forgers and Critics: Creativity and Duplicity in Western Scholarship. Princeton, 1990; *Groom N.* Forger's Shadow: How Forgery Changed the Course of Literature. London, 2002; *Martinsen D. A.* Surprised by Shame. Dostoevsky's Liars and Narrative Exposure. Columbus, 2003; *Radnóti S.* The Fake: Forgery and its Place in Art. Lanham, Md.; Oxford, 1999; *Ruthven K. K.* Faking Literature. New York, 2001.

ной», хотя и ужасной, смертью: «вскрытые вены, кровь в этрусской вазе, последние стихи кровью, завещание (сердце — Райх, кровь — Дункан, мозг — С. Толстой)».¹ Это по меньшей мере странное завещание, к которому Марков, судя по всему, отнесся вполне серьезно, несомненно восходит к сведениям, приводимым в известных ему воспоминаниях известного американского импресарио Сола Юрока [Sol Hurok] — организатора турне Дункан и Есенина по Америке в 1922 году.²

*«Поэт Сергей Есенин, трагически покончивший с собой в Ленинграде, и его быв. жена, знаменитая американская танцовщица АЙСЕДОРА ДУНКАН»
(Русский голос, 25 декабря 1925 года)*

Как установил английский есениновед Гордон МакВей, приводимые Юроком сведения, в свою очередь, восходят к некоей загадочной англоязычной публикации, начинающейся указанием на место и время сообщения «Москва, 14 ноября».³ В распоряжении МакВея была только вырезка этой статьи, присланная ему из Танцевальной коллекции Нью-Йоркской публичной библиотеки. Где именно вышла эта публикация, почти полностью приведенная им в книге о Есенине и Айседоре, исследователь не знал.⁴

Отголоски этой истории мы находим (без указания на источник) в разных американских газетах и журналах 1950–1980-х годов. В России она стала известна лишь в начале

¹ «Поневоле, — пишет ученый, — подступает бунинское „чувство тошноты“» (Марков В. Ф. О русском «Чучеле совы»: Статьи, эссе, разное. Новосибирск, 2012. С. 250).

² Hurok S. Impresario: A Memoir. London, 1947. P. 120–121. В статье о легенде Есенина Марков ссылается на «интересные воспоминания» импресарио Юрока (с. 217).

³ McVay G. Isadora & Esenin. Ann Arbor, 1980. P. 237–241.

⁴ Там же. P. 237.

XXI века (по всей видимости, благодаря книге МакВея). Об удивительном завещании Есенина с негодованием писал в 2006 году сторонник теории заговора против русского поэта, дважды окончивший Высшую партийную Школу при Крайкоме КПСС доктор философских и медицинских наук Е. В. Черносвитов (это завещание, утверждал он, было выдумано американцами, чтобы опорочить нашего народного стихотворца).¹ В свою очередь, Алла Марченко в статье 2011 года называет «этрусской вазой» чернильницу в номере «Англетера» («Интернационала»), в котором поэт покончил с собой в ночь на 28 декабря 1925 года: «Айседора, когда ей об этом рассказали, узнала по описанию свой последний подарок: крохотную этрусскую вазу».²

Живучесть этого мифа в значительной степени объясняется важностью для есениноведов темы таинственной чернильницы, каким-то образом связанной с Айседорой Дункан. На самом деле в легенде о смерти поэта контаминируются две реальные чернильницы — та, что была в номере «Англетера» (сторонники теории заговора видят в ней доказательство того, что в ту роковую ночь у поэта были чернила и ему не нужно было писать кровью, и, следовательно, он был убит врагами), и та, которую Есенин купил для Айседоры в 1922 году. Последняя долгие годы простояла на его письменном столе в доме на Пречистенке и досталась потом секретарю (и переводчику) Дункан Илье Шнейдеру, от которого перешла к известному есениноведу Ю. Л. Прокуше-

Автограф стихотворения Есенина «Поэт» и чернильница-непроливайка из фарфора, покрытого бело-синей глазурью. Московский государственный музей С. А. Есенина

¹ Черносвитов Е. В. К истокам русской духовности: К 110-летию со дня рождения и 80-летию со дня смерти Сергея Есенина // Современное право. 2005. № 7. С. 74–76. Продолжение романа-исследования Е. В. Черносвитова под тем же заглавием публиковалось в журнале «Современное право» на протяжении 2005 (№ 9–12) и 2006 (№ 1–6, 8–10) годов.

² Марченко А. «В декабре в той стране...» // Вопросы литературы. 2011. № 5. С. 214.

ву и в итоге, по всей видимости, «осела» в музее Есенина в Москве.¹

На периферии мифа о самоубийстве Есенина находится и некая «античная» ваза, также, как и чернильница, представленная на фотографии номера в «Англетере», в котором поэт покончил с собой.

Фото номера гостиницы, сделанное В. В. Пресняковым по просьбе С. А. Толстой

Можно сказать, что фантастическая версия, которую приводит в своих мемуарах Юрок, вписывается в символический интерьер последнего приюта Есенина и причудливым образом соединяет мотивы «чернильницы» и «вазы» в легенде о смерти поэта.

Нам удалось обнаружить непосредственный источник этой версии и, потянув за эту ниточку, реконструировать любопытный литературно-мифологический сюжет, до сих пор оставшийся неизвестным исследователям жизни и творчества Есенина и Дункан.²

¹ Шнейдер И. Встречи с Есениным: Воспоминания. М., 1974. С. 74–75.

² По мнению российского исследователя американской есенианы, «упоминания Есенина в статьях, появившихся в первые дни после гибели Дункан (вероятно, оговорка: речь идет о гибели Есенина — И. В.), не содержат существенно новых сведений о поэте» (Скороходов М. В. Сергей Есенин в зеркале американской периодической печати 1922–1925 годов // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 285). Как мы постараемся показать, в американской прессе, вышедшей в период между самоубийством Есенина и гибелью Дункан содержится очень много новых (впрочем, крайне недостоверных) сведений, сплетающихся в единую сказку о знаменитом русском поэте и великой американской танцовщице. Заинтересовавшие нас публикации отсутствуют в списке американских откликов на смерть Есенина в последнем томе летописи его жизни (Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. [В 7 кн.] / Гл. ред. Н. И. Шубникова-Гусева. М., 2018. Т. 5. Кн. 2. С. 222–224, 231, 234–235, 248–249, 256–257).

ЭТРУССКАЯ УРНА

Нет никаких сомнений в том, что информацию об этрусской чернильнице-вазе и завещании Есенина Юрок заимствовал из статьи, опубликованной в воскресном приложении к газетам американского магната Уильяма Рэндольфа Херста «The American Weekly» от 28 ноября 1926 года под сенсационным заголовком «Поразительное самоубийство сумасшедшего русского мужа Айседоры Дункан, которому не дали сжечь себя на костре на главной площади в Москве. Молодой поэт вскрыл себе вену на руке и послал свою истекшую кровью Айседоре, своей бывшей жене, в Париж».¹

Заголовок статьи в «The American Weekly»

Анонимный автор этой фантастической по своему содержанию статьи, начинающейся со слов «Москва, 14 ноября» и обильно украшенной в стилистике популярных воскресных приложений Херста, фотографиями и китчевыми иллюстрациями, сообщал о том, что мысль о зрелищном самоубийстве давно преследовала Есенина. В бытность свою в Америке он даже хотел спрыгнуть с небоскреба Вулворта, но побоялся убить невзначай кого-нибудь из прохожих или упасть на детскую коляску.

¹ Spectacular Suicide of Isadora Duncan's Crazy Russian Husband Prevented From Burning Himself at the Stake in the Great Public Square at Moscow, the Young Poet Opens an Artery in His Arm and Sends His Ebbing Life Blood to Isadora, His Absent Wife in Paris // New York American (The American Weekly). 1926. Nov. 27. P. 7.

Рабочие без страховки на крыше небоскреба Вулворта

Второй тайный план самоубийства Есенина заключался в том, чтобы разжечь огромный погребальный костер на Красной площади и заживо сжечь себя на нем «как жертву нашей фальшивой цивилизации». Этот план был сорван «советской полицией» арестовавшей молодого поэта. Судья народного суда сказал ему, что в Советском Союзе «мы не имеем права уничтожать наши тела по собственной воле, ибо они являются общественной собственностью».

Узнав о заключении и психическом состоянии своего бывшего мужа, сообщает автор статьи, Дункан послала к нему из Парижа для утешения одну из своих самых талантливых учениц, хорошенькую мисс Дороти Биллингс. Чудесное появление последней в камере заключенного вернуло Есенина к жизни. Он забыл о своих суицидальных мыслях и немедленно начал флиртовать со своей очаровательной посетительницей. Есенин признался ей, что увидел в ней девушку своей мечты и что все его стихотворения на самом деле были навеяны предчувствием ее появления в его жизни. Но когда миленькая Дороти узнала, что ее новый возлюбленный имеет, помимо Дункан, еще несколько жен, с которыми он не развелся, и что он вовсе не собирается жениться на ней из принципиальных соображений (женитьбы для него лишь эксперименты над собою и женами), она оставила презренного полигамиста, обещав прийти к нему (может быть) потом. Есенин, вскоре вышедший

Советский полицейский (sic!) спасает молодого русского поэта от саможжения на Красной площади

на свободу и поселившийся в гостинице «Англетер», так и не дождался нового визита хорошенькой американки.

В горести он вскрыл себе вену ножом и написал кровью стихи, посланные возлюбленной: «Позволь мне умереть, я пьян от жизни. // Ты обещала мне розы сразу, если я буду жить, — // Но один поцелуй — смилуйся, // Подари мне только один вздох из уст твоей души — // И я осушу чашу жизни до дна. // Все слова одновременно бушуют в моей крови: // Рай, ад, Нирвана и твои одурманивающие поцелуи» («Let me die, I am drunk of life / You promised me roses now if I will live — / But one kiss — if you please / Give only breath from the lips of your soul / And death's cup I will drain to the lees. / All words are raging at once in my blood: / Paradise, hell, Nirvana and your intoxicating kisses»).

Напуганная страстью Есенина мисс Биллингс бежала из Ленинграда в Москву, где поведала о случившемся Василию Каменскому — тоже поэту, но не такому радикальному, как Есенин. Каменский во всеулышание заявил, что Есенин совсем спятил. Эти слова, подхваченные журналистами, были напечатаны одной московской газетой в статье о романе Есенина с очаровательной американкой. Прочитав эту статью, поэт сказал, что у него уже нет больше надежд на любовь и поэзию. Он вскрыл вену на левой руке, и его кровь потекла в маленькую вазу, которую Айседора подарила ему накануне их свадьбы и о которой сказала: «Пусть наш прах будет захоронен в этой исторической вазе, на дне которой находится прах сердца Клеопатры!».

Но тут Есенин вспомнил, что обещал своей первой жене, Зинаиде Мейерхольд, дочери (sic!) знаменитого театрального режиссера, на которой поэт женился за два года до Айседоры, что оставит ей в своем завещании пепел своего сердца, помещенный в драгоценный изумрудный амулет, в котором Екатерина Великая хранила пепел своего друга, американского адмирала Джона Пола Джонса. «Я оставляю свое сердце Зинаиде, кровь Айседоре, а моей последней жене Софье (внучке Толстого) пусть достанется мой мозг». Так, по свидетельству автора статьи, и было составлено завещание Есенина: ваза с кремированным телом — Айседоре, амулет

с кремированным сердцем — Зинаиде, а большое рубиновое кольцо с кремированным мозгом поэта — Софье.

Подписав завещание, Есенин открыл перочинный ножик, перерезал артерию на левом запястье (опять?) и положил руку на вазу, подписанную им «Наследство моей жены Айседоры». Стекающей в вазу кровью Есенин и написал свое последнее стихотворение «Призыв к смерти» («Invocation to Death») — своего рода «ироническую балладу об иллюзиях жизни». Это стихотворение заняло две страницы — первая часть была полна огня и отличалась великолепием стиля, в то время как мысль второй оказалась прерывистой и затуманенной к концу. Его последние строки были: «Все кружится перед моими глазами, в моих ушах слышен звон и сладкая усталость покоряет себе мои мышцы. Сумерки... радуги... призраки... Спокойной ночи!» («It whirls before my eyes, bells sound in my ears and a sweet fatigue is overcoming my muscles. Twilight... rainbows... radiant... phantoms... Good night!»).

Завещание Есенина не было исполнено большевиками, имевшими свои виды на тело поэта, для коего построили специальный мавзолей в Ленинграде. Впрочем, заявляет автор статьи, едва ли законные вдовы поэта согласятся с решением властей. Не далек тот час, когда они вскроют его саркофаг, извлекут оттуда его мозг и сердце (кровь уже хранится в «антисептической эмульсии») и выполнят волю поэта.

Как сказала автору статьи Айседора: «Серж любил мою душу, он также любил обворожительную женственность Зинаиды и красоту Софии. У нас не было ссор и конфликтов». В свою очередь, последняя жена поэта София указала на важность для поэта каждой из его пяти жен, с которыми он по очереди проводил по месяцу: «Для него важным романтическим событием жизни была встреча с женой, которую он не видел целых пять месяцев. Она была для него как новая любовь, и медовый месяц для него не имел конца». Вообще же у Есенина, неожиданно добавляет автор статьи, было шесть жен.

В книге 2012 года руководитель рабочей группы «Изучение жизни и творчества С. А. Есенина» Н. И. Шубникова-Гусева назвала эту напоминающую «невероятный бульварный

роман о смерти и любви» статью «апофеозом» сенсационных публикаций о Есенине в американской прессе. Она также обратила внимание на то, что «при всей фантастичности содержания» этой легенды ее неизвестный автор создает «иллюзию подлинности», печатая статью «как сообщение из Москвы от 14 ноября 1926 года».¹ «Не является ли вся эта статья чьей-то нездоровой шуткой (sick joke), пародией?» — еще раньше спрашивал Гордон МакВей в своей книге о Есенине и Айседоре.² Мы полагаем, что для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно вначале поставить другой: кто был создателем этой фантазмагии, в которую поверили знаменитый американский импресарио и замечательный филолог-славист и которую серьезные исследователи Есенина справедливо называют недостоверной и даже сумасшедшей?

ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА

Установить авторство заинтересовавшей нас анонимной публикации позволяет тот факт, что она представляет собой часть целого цикла воскресных статей об Айседоре и Есенине, охватывающего более двадцати лет и по целому ряду признаков написанного одной рукой. Эти статьи, несомненно вызванные к жизни газетным ажиотажем вокруг танцовщицы и ее «безумного» русского мужа во время их турне по Америке в октябре 1922 — феврале 1923 годов, объединены общими темами, мотивами и специфической манерой изложения материала: таинственная чаша с останками Клеопатры; замысел прыжка с небоскреба Вулворта и попытка самосожжения поэта на Красной площади; обещание предсмертного шедевра; тексты последних поэтических обращений к возлюбленным; утверждение, что стихи «До свиданья, друг мой, до свиданья» являются подделкой и вообще не-

¹ Шубникова-Гусева Н. И. «Объединяет звуком русской песни...»: Есенин и мировая литература. М., 2012. С. 304–305. Исследовательница указывает, что статья была опубликована в «New York Evening Journal» за 28 ноября 1926 года (с. 413).

² McVay G. Isadora & Esenin. P. 301. Отметим серьезность и возмущение английского исследователя в примечаниях к этой фантазии: «никто не находил такого стихотворения Есенина», «неидентифицируемое сообщение», «все это ужасно искажено» (Там же).

достойны пера Есенина; почти маниакальная концентрация на теме полигамии; описания «танцев смерти», которые исполняют Айседора и ее бывший муж; напыщенный тон; выпячивание личности осведомленного друга-интервьюера; невероятные противоречия внутри каждой статьи и т. д. Более того, этот апокрифический цикл о Серже и Айседоре постоянно дополняется новыми событиями их посмертной жизни (история вазы), разумеется, с отсылками к предыдущим «свидетельствам». Каждая из этих странных статей является своего рода главой авантюрного романа или актом фантастической драмы, создаваемой таинственным автором.

У истоков этого цикла находится статья, вышедшая 21 февраля 1926 года в воскресном приложении к газетам Херста. Она называлась «Ему не было суждено достичь триумфа, который он искал в смерти. Муж-поэт Айседоры Дункан покончил с собой так, как и говорил, но не сумел написать кровью обещанный шедевр».¹ Безымянный автор статьи сообщал о том, что несколько лет назад в артистической студии в Гринвич Вилледж русский поэт с мальчишеской внешностью, прочитав свои меланхолические стихи, признался, что давно задумал покончить с собой таким образом, каким свел счеты с жизнью знаменитый древнеримский денди Петроний — вскрыв себе вены и создав друзей. Более того, способ Петрония, сообщал автор статьи, Есенин решил усовершенствовать: кровь из перерезанных запястий должна была быть использована им как чернила для записи на бумаге его последнего, «триумфального шедевра» — стихотворения, которое он хранил в глубине своего сердца до прихода смерти.

Мысль о самоубийстве и великом стихотворении, которое должно было явиться в последний момент его жизни, сообщал анонимный автор, стала настоящей манией Есенина. «Это мой завет миру», — говорил он. Увы, этого триумфа смерти ему так и не удалось достичь: найденные, по

---

¹ Denied Even the Triumph He Sought by Death. Isadora Duncan's Poet Husband Kills Himself Just as He Said but Fails to Write With His Blood That Promised Masterpiece // The Philadelphia Inquirer (The American Weekly). 1926. Feb. 21. P. 5.

Сергей Есенин в своей студии, где он занимался рисованием, скульптурой и музыкой, когда не писал стихи и не пил водку

сообщениям газет, после смерти поэта рядом с его трупом стихи были диким (wild) и малохудожественным прощанием, обращенным к любимой женщине, возможно, к Айседоре Дункан. Эти стихи, по словам автора, не имеют никакой литературной ценности и никак не показывают талант Есенина: «Нет, это явно не тот шедевр, который Есенин обещал миру. Это насмешка над самой смертью поэта».

В статье также приводились сенсационные детали есенинского быта (он, оказывается, в свободное от поэзии и алкоголя время был еще и художником, скульптором и музыкантом) и бурного свадебного путешествия Дункан и Есенина по Америке и Европе. По утверждению безымянного автора, после возвращения в Париж поэт стал вести себя настолько безрассудно, что друзья и меценаты Айседоры боялись заходить в ее студию. В конце концов Дункан решила, что ее терпению пришел конец, наняла с полдюжины крепышей-охранников («a half-dozen husky guards»), которые увезли Есенина обратно в Россию. «Мой муж еще один Эдгар Аллан По, — сказала она с грустью, — но я не могу находиться с ним здесь больше. В нем слишком много от черта». При этом она продолжала любить своего «безумного гения-ребенка» («mad child of genius») и всегда воспевала его.

К интересующему нас айседоровскому циклу статей примыкает и вышедшая в воскресных газетах Херста 5 декабря 1926 года большая анонимная статья с «кричащими» иллюстрациями, озаглавленная «Обходительный палач России: Необыкновенная личность Феликса Дзержинского».¹

¹ Russia's Genial Executioner: Extraordinary Personality of Felix Dzerjinsky, the Silent and Modest Chief of the Famous Bolshevik Cheka Secret Police, Who Signed the Death Warrants of Two Million Peasants, Prelates and Royalists, But Never Permitted a Poet to Be Killed, and Whose Own Recent Sudden Death Is Something Is Something of a Mystery // The Pittsburgh Press (The American Weekly). 1926. Dec 5. P. 6–7, 9.

Айседора Дункан и ее муж Сергей Есенин, которых всегда был рад видеть у себя в гостях Дзержинский, спасший поэту жизнь, когда на того набросились другие партийные деятели

В статье, начинающейся словами «Москва, 22 ноября», говорится о том, что кровавый глава ЧК, приговоривший к смерти почти два миллиона человек¹ и державший в страхе все советское руководство, включая «Николая Ленина»,² не трогал поэтов и всегда помогал им. Зная об этой его слабости, некоторые заключенные специально сочиняли в тюрьме стихотворения, чтобы разжалобить «советского Робеспьера».

¹ Всезнающий автор приводит секретные данные выдуманного им юрисконсультанта Дзержинского товарища Шпицбергера, согласно которым в число убиенных ВЧК входили «31 епископ, 1560 священников, 8640 учителей и профессоров, 9200 адвокатов и судей, 7540 актеров и танцоров, 9205 врачей, 16367 студентов, старшекласников и семинаристов, 268000 солдат и матросов, 65890 богатых помещиков и купцов, 258900 имперских админстраторов и дворян, 196000 рабочих and 890000 крестьян» (Russia's Genial Executioner: Extraordinary Personality of Felix Dzerjinsky. P. 6). Этот Шпицбергер упоминается и в другой, более поздней статье (также, как мы установили, принадлежащей перу нашего мистификатора), посвященной судебному делу против самого Сталина (She Tried Dictator Stalin for Murder. By Vera F. Marosova. Former Supreme Court Judge of Soviet Russia // The San Francisco Examiner. 1940. April 28. P. 3, 19). В этой статье товарищ Шпицбергер назван новым начальником ЧК Моисеем Абрамовичем (был ли его «прототипом» заместитель начальника ОГПУ Меер Абрамович Трилиссер?). В него стреляет в Кремле разгневанный Сталин (это событие изображено на иллюстрации к статье), но не попадает и случайно убивает другого руководителя СССР «товарища Анессова» (Confessions of a Woman Spy By Lydia Oswald // The San Francisco Examiner. 1936. Oct 25. P. 16).

² Так, например, в статье приводится следующая история: однажды Ленин решил испытать начальника своей секретной полиции и спросил его, расстреляет ли тот «правую руку Советов» товарища Троцкого, если окажется, что последний вреден делу революции. «Конечно!» — ответил Дзержинский. — Я не задумываясь ампутирую руку, чтобы спасти всю остальную Россию». «А меня Вы убьете?» — любопытствовал хитрый Ленин. «Нет, Вас, Ильич, не убью, — отвечал Дзержинский. — Вы голова и ни один хирург не станет ампутировать голову пациента». Но Ленин ему не очень поверил, потому что Дзержинский не сразу ответил на его прямой вопрос. На самом деле этот «убийца с золотым сердцем» действительно подумывал об устранении Ленина как лидера, исчерпавшего свой потенциал, но тот умер сам (Russia's Genial Executioner: Extraordinary Personality of Felix Dzerjinsky. P. 6).

Особой любовью Дзержинского пользовались Есенин и его жена Дункан. Феликс Эдмундович часто приглашал их к себе обедать, а когда Есенин написал крамольную «длинную балладу» против «Каменева, Троцкого, Радека, Зиновьева и других еврейских лидеров революции», не только спас поэта от гибели, но и приказал опубликовать это произведение и способствовал самому широкому его распространению по стране. Это заступничество, как подчеркивает безымянный автор статьи, стало одной из причин заговора против Дзержинского, устроенного обиженными вождами революции, сумевшими в конце концов отравить его вином, хранившимся в секретном погребе на Лубянке. Это единственная, насколько нам известно, версия, представляющая главу ВЧК жертвой поэмы «Страна негодяев» (1922–1923) С. А. Есенина!

9 октября 1927 года, уже после трагической смерти самой Айседоры, опять же в воскресном приложении к херстовским газетам выходит еще одна статья несомненно того же автора, названная «Айседору Дункан преследовал как наваждение предсмертный завет ее безумного мужа».¹ Здесь разворачивается удивительная история прекрасной египетской (не этрусской) урны, подаренной Айседорой мужу накануне свадьбы — той самой урны, в которой, по ее словам, хранился пепел сердца самой Клеопатры и в которой молодой супруг танцовщицы увидел символ их собственного соединения после смерти.

Вся эта история передана в статье со слов русского журналиста, живущего в Америке и якобы являющегося близким другом Есенина и Дункан, *Ивана Народного* (запомним это имя). Он только что вернулся из Парижа, где успел взять интервью у великой танцовщицы незадолго до ее кончины. «Знаете ли Вы, Иван, что он оставил ужасное послание для меня перед тем, как покончил с собой после освобождения из советской тюрьмы?» — сказала Дункан Народному. На упомянутой выше египетской урне, в которую умирающий

---

¹ Isadora Duncan Haunted by Her Crazy Husband Dying Command. How Death Beckoned to the Noted Dancer Ever Since the Inscription, 'Isadora, I Wait for Thee!' Was Set Upon the Urn That Holds Poet Essenin's Ashes in Russia // Pittsburgh Sun — Telegraph. 1927. Oct. 9. P. 11.

сцедил свою драгоценную кровь, он написал слова: «Айседора! Я жду тебя!». Еще одним заветом Есенина Дункан считала его странные предсмертные стихи «Призыв к смерти», из которых Народный приводит несколько строк, уже известных нам по ноябрьской статье 1926 года (только там эти стихи были адресованы хорошенькой американке, ученице Дункан).

Айседора поведала Народному, что ее давно томят предчувствия смерти. Перед своей трагической гибелью от шарфа, попавшего под колеса автомобиля (Народный сообщает, что видел в гардеробе Дункан этот шарф и ее накидку, подаренные ей, разумеется, Есениным) она готовилась станцевать «Танец смерти», который считала своим высшим художественным достижением. Американский корреспондент стал также невольным свидетелем телефонного звонка первой жены Есенина Дункан (эта жена, как сказала Айседора, работала официанткой в парижском кабаре и предлагала обедневшей танцовщице материальную помощь, от которой та отказалась).

По словам Народного, Есенин был одержим мыслью о театрализованном самоубийстве. Вновь упоминаются его план покончить с собой на сооруженном им на Красной площади погребальном костре и арест «советской полицией», которой поэт сказал, что хотел таким образом отпраздновать смерть своей последней иллюзии. Через неделю после выхода из тюрьмы он вскрыл себе вену на запястье, предварительно завещав, чтобы кровь из его сердца была послана Айседоре. В заключение Народный сообщал, что кремированные сердца Клеопатры и бурного Есенина покоятся ныне в древней урне.

К этой исторической вазе Иван Народный возвращает-ся и в вышедшей под его именем в мае 1941 года статье, озаглавленной «Пепел Айседоры Дункан и ее безумного возлюбленного спасен в последний момент».¹

---

¹ [*Narodny Ivan*]. *Narrow Escape of Isadora Duncan's and Her Mad Lover's Ashes. On the Very Verge of the Garbage Can Was the Romantically Intermingled Dusts of the Great Dancer and Her Poet, When the Frantic Search for Them Through Paris at the Request from Moscow, Saved Them for Worship in a Red Shrine // The San Francisco Examiner (The American Weekly)*. 1943. May 11. P. 3.

В этой статье рассказывается о чудесной находке немецким офицером в Париже древней урны, на которой было написано: «Айседора! Я жду тебя». Эту урну французская дворничиха-консьержка нашла в квартире русского писателя Алексея Ремизова и уже собиралась опустошить. «Эта находка обрадует Берлин!» — воскликнул остановивший ее немецкий офицер. В самом деле Гитлер и его канцелярия иностранных дел охотились за исторической вазой по просьбе самого Сталина, последовавшей сразу после заключения пакта о ненападении между двумя странами. Дело в том, что Иосиф Виссарионович решил установить в СССР культ Есенина как национального поэта-героя, а в урне, как мы уже знаем, был прах не только Есенина, но и жены поэта Айседоры, в свое время облакнанной Советами.

Народный попутно рассказывает об отношениях к Есенину большевиков во главе с Лениным. Последний подарил ему дом в Ленинграде и пенсию, которую Серж всю тратил на водку. После расставания с Айседорой суицидальный Есенин поджег свой дом в Москве. Затем он зажег погребальный костер в центре Москвы, а через неделю после освобождения из тюрьмы взял старую этрусскую вазу, подаренную ему Айседорой, и написал на ней свой последний завет. Он также оставил распоряжение, чтобы его прах был отослан Айседоре в этой урне. Потом он перерезал себе запястье и умер романтической смертью от кровоизлияния.

К счастью, Айседоре удалось с помощью своих учеников выволочь из Москвы эту урну, и она рассказала Народному, что с тех пор надпись на ней преследует ее как наваждение и что она завещала положить свой собственный прах в эту урну. Одним из последних творческих планов великой балерины, сообщает Народный, был танец, разыгрывающий последнее стихотворение Есенина «Призыв к смерти» (см. выше). В сентябре 1927 года танцовщица была удушена собственным шарфом, попавшим под колеса машины. Ее тело было кремировано и соединилось с пеплом Сергея, хранившемся в той самой вазе. Но тут в Москве решили возвратить домой прах своего народного стихотворца, в честь которого переименовали город в Рязанской области, где поэт родился. Самые мощные умы в ОГПУ пытались найти вазу. Наконец они установили, что она в Париже, у писателя Ремизова. Посол Германии в Москве сообщил своему начальству, что русские будут обижены, если урну не найдут ко дню рождения поэта 4 октября (sic!). Немцы почесали в затылках, допросили друзей Айседоры, нашли квартиру, где хранилась урна и в последний момент, как мы уже знаем, остановили дворничиху, уже готовую выбросить драгоценное содержимое. Урна с пеплом, как говорится в статье, уже находится по пути в СССР и должна поспеть к началу торжеств, связанных с годовщиной рождения Есенина.

История трагической любви и смерти Есенина и Айседоры пересказывается в еще одной воскресной статье (4 января 1931 года), которую мы атрибутируем нашему мистификатору, — «Новые откровения о необыкновенной карьере Айседоры Дункан. Замечательная женщина, которая отказалась от всех готовых жениться на ней состоятельных мужчин, но без всякого колебания вышла замуж за brutального русского безумца».¹ В этой публикации Есенин назван «нищим, сумасшедшим русским крестьянским поэтом, припадочным

---

¹ [Narodny Ivan]. New Revelations of Isadora Duncan's Extraordinary Career. A Remarkable Woman, Who Refused to Marry Any of the Worth-While Men Who Loved Her and Yet Unhesitatingly Married a Brutal Russian Madman // The San Francisco Examiner (The American Weekly). 1931. Jan. 4. P. 10–11, 16.

атеистом («an epileptic atheist»), крайним эгоистом и безнадежным пьяницей в возрасте 27 лет». Автор сообщает, что Айседора продолжала любить своего мужа-безумца и после разрыва, писала ему в Россию, но прекратила переписку после того как получила телеграмму: «Пожалуйста, перестаньте писать или посылать телеграммы Сергею Есенину. Он теперь принадлежит мне и не хочет ничего слышать от Вас. (Подпись). София Толстая». Далее в статье пересказывается уже известный нам сюжет о посланнице Айседоры очаровательной мисс Биллингс и пр.

К легенде Народного об Айседоре и Сергее по какой-то безумной касательной относится и напечатанная летом следующего (1942-го) года анонимная воскресная история о романе великой танцовщицы и нью-йоркского миллиардера Пэриса Зингера (сына «короля швейных машинок»), проделавшего секретную дверь прямо из своего манхеттеновского офиса на крышу дома Айседоры, которая ночами встречала там своего Лознгринга с... этрусской урной, в которой годы спустя окажется спасенный гестаповцами по просьбе сталинского друга Гитлера прах ее мужа, сумасшедшего поэта Есенина. Сочинителем этой сказки, конечно же, был наш Народный.¹

*Мистер Зингер встречается на крыше с Айседорой Дункан.
Этрусская ваза — в левом нижнем углу.
Справа, по всей видимости, Клеопатра*

¹ [Narodny Ivan]. Rich Mr. Singer Secret Skyway to Isadora Duncan's Heart // The San Francisco Examiner (The American Weekly). 1942. Aug. 9. P. 3.

Замечательно, что смерть и посмертное воссоединение Сержа и Айседоры (и Клеопатры) не остановили творческое воображение нашего мистификатора. В ноябре 1949 года он печатает под своим именем статью «Новая звезда танца открылась за железным занавесом»,¹ в которой рассказывает о том, что ему удалось найти родную дочь Есенина и Дункан. Девушку, воспитанную монахами в Псковской области, зовут так же, как и ее мать, от которой она унаследовала дар танца.

Эта новая Айседора получила в наследство от родителей (разумеется!) урну, в которой прах Клеопатры смешался с пеплом ее папы и мамы. Народный сообщает, что она хорошо знает историю Сергея и Айседоры, которых сам автор статьи не раз видел в «Доме фантазии» («House of Fantasy») нью-йоркского миллионера и богемного художника Роберта (Боба) Ченлера на 147 East 19th Street. Народный указывает, что сам видел автограф последнего стихотворения Есенина, написанный кровью, и предал его в свое время огласке. Дочь танцовщицы и поэта, заключает он, является волшебным продуктом их высокой любви — синтезом танца и поэзии — и скоро эта новая звезда балета должна появиться в США. В статье 1949 года помещена фотография найденной дочери Дункан и Есенина. (Любопытно, что в своей мифологизированной — авантюрно-романной — фантазии графоман Народный приходит к тому же сюжетному «результату», что и Пастернак в эпилоге к «Доктору Живаго» — история о чудесном обнаружении дочери роковой красавицы и ее возлюбленного поэта, Лары и Юрия).

Кем же был этот неутомимый фантазер Иван Народный, и о чем говорит творимая им на протяжении двух десятилетий легенда об Айседоре и Есенине?

Isadora, daughter of Isadora Duncan and Serge Esenin.
THE WORLD'S NEWS, NOVEMBER 12, 1949

¹ *Narodny Ivan*. New Dancing Star Behind the Iron Curtain. Somewhere Behind the Iron Curtain in Russia the Daughter of Famous Dancer Isadora Duncan Is Being Trained to Carry on the Traditions of Her Mother // Sydney Worlds News. 1949. Nov. 12. P. 7.

ДОН КИХОТ ГАЗЕТНОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Подробности биографии этой удивительной личности приводятся в романе американского приятеля Народного Эрнеста Пула (участие в афере с покупкой гранат),¹ работах В. А. Александрова (о письмах Народного к Толстому),² Т. Китвеля (акцент на эстонской части жизни героя)³ и в нашей статье об американской карьере Народного.⁴ Здесь мы дадим лишь краткую сводку о его чудных деяниях.

Иван Иванович Народный (настоящая фамилия — Ян Сибуль; 1869–1953) приехал в Америку в феврале 1906 года по приглашению молодых американских журналистов, сочувствовавших русскому освободительному движению. На корабле он представился Джоном Рокфеллером (самое богатое американское имя, которое он тогда знал). В заполненной в порту декларации почти на все вопросы дал ложные ответы и был радостно принят своей новой родиной. В первых интервью американской прессе, данных еще в порту, он объявил себя великим русским революционером, главой кронштадтского восстания, создателем красной народной гвардии и балтийской конституции (он действительно был делегатом первой партийной конференции в Таммерфорсе, но его участие в революционных делах было минимальным и вообще сомнительным).⁵ Сибуль также рассказал, что за свою революционную деятельность на четыре года был заключен в одиночную камеру в Петропавловской крепости, где «подружился» со своими единственными компаньонами — доброй мышью и верной

¹ *Poole E. The Bridge: My Own Story. New York, 1940. P. 174–175.*

² *Александров В. А. Переписка с Л. Н. Толстым Ивана Народного // Толстой и о Толстом: Материалы и исследования. М., 2002. Вып. 2. С. 329–334.*

³ *Китвель Т. Ян Сибуль / Я. Талуне / Иван Народный: Очерк / Пер. П. И. Филимонова // Новые облака. 2017. № 1–2 (77–78). 23.08.2017. См.: <https://www.oblaka.ee/journal-new-clouds/1-2-2017/тойво-китвель-яан-сибуль-я-талуне-ива/> (дата обращения 31.10.2019).*

⁴ *Винуцкий И. Песнь свободы: «Соединенные Штаты России» в политическом воображении русско-американского авантюриста // Новое литературное обозрение. 2019. № 1 (155). С. 169–197. См. дополненный вариант статьи: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/155_nlo_1_2019/article/20680/ (дата обращения 31.10.2019).*

⁵ *Ярославский Е. Таммерфорская конференция большевиков 1905 г. М., 1940. С. 23.*

Иван Иванович Народный, объявляющий о свержении императора Николая II и утверждении Соединенных Штатов России

блохой, которую он покрасил в черный цвет, чтобы отличать от других блох (на самом деле Народный — тогда еще Сибуль — находился не в заключении, а на психиатрическом освидетельствовании по делу о подделке трехрублевых ассигнаций; его в итоге отпустили как полоумного, ибо установили, что он считал себя инкарнацией Будды и деньги ему нужны были для распространения своего учения и, возможно, создания Новой Эстонии в Южной Америке¹). Народный также сообщил американской публике, что его жена и двое сыновей были убиты казаками (в другом интервью, данном через пару дней, он рассказал о том, что жена его сошла с ума, а он втайне отправился в Россию, чтобы спасти свою сестру, над которой надругались царские войска, — любопытно, что фотография этой спасенной сестры в точности совпадает с фотографией его новой жены, вывезенной им из Финляндии взамен оставленной²).

В других интервью (данных в то же самое время!) Народный представил себя русским аристократом, придворным, хорошо знавшим царя, генералом российской армии, потомком Потемкина и кавалером высших орденов империи. Он очень скоро выучил английский язык и принял самое активное участие в сборе денег на дело революции. Был одним из организаторов визита Максима Горького в Америку в 1906 году (сохранилась фотография, на которой Народный сидит рядом с Горьким и Марком Твенем). Почувствовав

¹ См. рецензию Aare Ilves на книгу: *Kitvel T. Kolm nime — üks mees.* [s. l.], 2017: http://kes-kus.ee/seest-siiruviiiruline-pealt-mis-varviiganes/?fbclid=IwAR3UTJN-lnAGhZrIk_Dcy_f7ho3gcB6I8O3EtbFtVIGB97uHEi2dp4raI1o (дата обращения 31.10.2019).

² *Brave Russian Who Accomplished a Remarkable Rescue // The Anaconda Standard.* 1906. Oct. 8. P. 4.

в Горьком конкурента (тот не захотел делиться собранными на революцию деньгами), Народный распустил о буреизвестнике революции порочащие слухи, в конечном счете сорвавшие миссию писателя-революционера (потом он придумал целый цикл историй о заговоре против Горького, организованном основателем русской шпионской сети в Америке, причем на включенной в статью фотографии этого агента похоже, что изображен... сам молодой Сибуль-Народный).

В 1908 году революционер Народный низложил в своей Декларации независимости России императора Николая II, объявил о создании Соединенных Штатов России и выпустил облигации новой республики. Одновременно он представил себя как видного теоретика балета и музыкального искусства. В 1916 году он опубликовал книгу «Танец», в которой сформулировал мистическую концепцию развития этого рода искусства.¹ Эту публикацию сопровождали статьи, вышедшие в американских журналах о музыке и балете, посвященные прекрасным балеринам, соперничавшим с Айседорой, композиторам-новаторам и талантливым исполнителям, среди которых особо выделялась его собственная жена-певица. В свои сочинения он включал подделанные им письма или придуманные интервью со знаменитостями (например, предисловие Анны Павловой к его книге о танце или выдержки из писем к нему президента Рузвельта и финского композитора Яна Сибелиуса). Он также активно занимался бизнесом, открывал фиктивные или полуфиктивные ассоциации и фирмы, представляя себя агентом русского правительства (во время войны «покупал» для России американские субмарины, потом сибирские меха и водку).

Народный также принимал участие в организации художественных выставок, музыкальных фестивалей и концертов и занимался поиском и раскруткой новых звезд. Одна из найденных и воспетых им в газетах балерин, Лада, превзошедшая, по его словам, свою учительницу Айседору, привела в восторг российского композитора Р. М. Глиэра и сторицей отплатила своему американскому покровителю-почитателю: гостивший в Америке великий князь столь восхитился ее танцем Саломеи, что

¹ *Narodny Ivan. The Dance. Introduction by Anna Pavlowa, Ballerina, Imperial Russian Ballet. New York, 1916.*

выхлопотал, по ее просьбе, амнистию бывшему революционеру Народному, за голову которого в России была объявлена, по словам самого Ивана Ивановича, огромная награда.¹

С начала 1910-х годов Народный становится сотрудником «New York American» — центральной газеты крупнейшего в мире газетного синдиката Херста — и печатает в воскресных выпусках «The American Weekly» одну за другой апокрифические сенсационные истории о самых разных вещах, связанных, как правило, с Россией и русским искусством.² Большевистскую революцию он не принял и даже объявил, что собирается ехать бороться с ней как глава нового революционного правительства в Кронштадте. Американские газеты сообщали, что «учитель танцев» Народный отправился в Россию в качестве ее нового лидера.

БЕЗУМНЫЙ ЖРЕЦ

В конце 1910-х годов Народный, с младых лет увлекавшийся теософией, становится секретарем и домашним гуру упоминавшегося выше американского миллионера, художника-модерниста Боба Ченлера и живет в его знаменитом «Доме Фантазии» в Гринвич Вилледж — центре нью-йоркской богемной жизни первой половины 1920-х годов. Здесь

---

¹ Судьбе Лады (настоящее имя Emily Schupp или Shuppe) посвящена содержательная работа Кирилла Новосельского, правнука композитора Глиэра, «Тайны романа „Лада“: Главная интрига» (выражаю благодарность автору за возможность ознакомиться с рукописью этой статьи). В финале статьи исследователь, собравший многочисленные упоминания танцовщицы в американской прессе, задается вопросом, почему ему не удалось найти «НИКАКОГО отражения» ярких событий из жизни Лады, о которых сообщали газеты, «в литературе о жизни и творчестве Р. М. Глиэра, в государственных архивах, в энциклопедиях по истории танца и т. п.». Ответ заключается в том, что артистическая биография красавицы Лады (реально существовавшей, но, судя по всему, весьма незначительной по своему таланту танцовщицы) была почти полностью сфабрикована Иваном Народным.

² В синдикат Херста, кроме утренней газеты «New York American» и вечерней «New York Evening Journal», входили также «San Francisco Examiner», «Philadelphia Inquirer», «Pittsburgh Sun — Telegraph», «Chicago Herald», «Detroit Times», «Los Angeles Herald», «Oakland Post-Enquirer», «Rochester Journal-American», «San Antonio Light», «The Milwaukee Sentinel» и другие издания. Общий тираж воскресного приложения к газетам «The American Weekly» в отдельные годы превышал 50 миллионов (См.: <http://www.bpiб.com/illustra2/various2.htm> (дата обращения 31.10.2019)).

он знакомится с богачами и аристократами (включая принца Уэльского), политиками, импресарио, актерами, балеринами, художниками, музыкантами, мистиками (например, с А. Кроули и Н. Рерихом), торговцами оружия, шпионами, авантюристами и дамами разных оттенков полусвета.¹

В середине 1920-х Народный организует группу русских художников-эмигрантов (в числе которых были его друзья: один из основателей русского футуризма Давид Бурлюк, написавший портрет Народного и посвятивший ему стихотворение, и скульптор Сергей Коненков, построивший деревянную часовенку на ферме Народного в Коннектикуте) и издает на деньги Ченлера модернистский журнал на английском языке «Альманах пилигримов» («The Pilgrims Almanac»), в котором объявляет о создании им новой «космократической» религии, призванной объединить науку и искусство и освободить художников от ига коммерции и механицизма. Себя он представляет верховным жрецом задуманного им храма новой религии и основателем науки о времени. Он также проповедует дионисийские ритуальные танцы (исполняемые, желательнее, нагишом) и полигамию (сам он был, как и Сергей Александрович, двоеженцем).

В это время Народный печатает эротическую «мимодраму»-дистопию «Небесная дева» («The Skygirl») и ряд мистификаций, получивших широкое распространение не только в Америке, но и во всем англоязычном мире (газеты Херста со статьями Народного выходили в Канаде, Англии, Австралии и Новой Зеландии, а также переводились на французский, немецкий и эстонский языки). В своих публикациях-мистификациях — о пророчестве Льва Толстого о Первой мировой войне, российской шпионской сети в Нью-Йорке, «железной маске», томившейся почти полвека в крепости Кексгольм на Ладожском озере (по версии Народного, это был дедушка царя Александра I Петр III), бег-

¹ *DeCasseres B.* The King of Party Throwers. Discursive and Anecdotal Study — Naming Names by the Dozen — of Robert Winthrop Chanler, *Playboy // Esquire*. 1934. April 1; *Morell Parker [Narodny, Ivan]*. The Grand Bohemian // *Hearst's International Combined with Cosmopolitan*. 1939. Vol. 107; *Drapala Lauren*. Building the House of Fantasy // Robert Winthrop Chanler: Discovering the Fantastic / Ed. by G. Wouters and A. Gollin. Vizcaya, 2016. P. 51–80. Творчеству Ченлера Народный посвятил восторженную книгу: *Narodny Ivan*. The Art of Robert Winthrop Chanler. New York, 1922.

стве дочери последнего русского императора в Сан-Франциско, таинственной Шамбалле, романе Екатерины Великой и американского адмирала Джона Пола Джонса (напомним, что этот сюжет упоминался и в придуманной им легенде о Есенине) и т. д., и т. п. — он в зависимости от темы именуется автором русской Декларации независимости, сочинителем основополагающей книги о современном танце, создателем оккультной науки хронософии, а также видным поэтом, писателем, философом, публицистом, драматургом, наиболее осведомленным американским экспертом в делах России, Эстонии и Финляндии, близким другом Рузвельта, Горького, Ленина, Гапона, Николая II, Льва Толстого, Римского-Корсакова, Давида Бурлюка, Рериха, Глиэра, Айседоры Дункан и Сергея Есенина. С последними Народный действительно мог познакомиться во время их нашумевшего визита в Нью-Йорк в 1922 году.

В целом айседориада Народного органично вписывалась в создаваемый им с начала 1910-х годов газетный миф о прекрасных балеринах, преображающих мир откровением своего дионисийского искусства. Так, уже упоминавшаяся нами Лада якобы обнаружила в библиотеке Новодевичьего монастыря рукопись старинного трактата о священном танце, написанного русским монахом IX века (sic!) св. Феодосием. Перевод этого сенсационного трактата Народный публикует, с любезного разрешения танцовщицы, в воскресном номере херстовской газеты.¹ Это «открытие» продолжало сюжет опубликованной им чуть ранее статьи (разумеется, воскресной) о вдохновенном танце американки Лады в московском монастыре: за этот танец, сопровождавшийся церковными песнопениями, балерина была заключена по настоянию Святейшего синода в стены Спасского монастыря в Нижнем Новгороде, откуда ее вызволила сестра царицы, волею случая ставшая свидетельницей ее танца в монастырском саду при луне.² В финале статьи Народный заявил, что история Лады

¹ *Narodny Ivan*. How an American Girl 'Found' Russia's «Religion of Dance» // *El Paso Times*. 1914. Nov. 19. P. 13.

² [*Narodny Ivan*]. American Girl's Convent Dance Shocked, Then Inspired Russians. Lada, the famous dancer, whom the nuns and pilgrims of Moscow first hailed as the interpreter of religious emotions // *Daily Arkansas Gazette*. 1914. Apr. 26. P. 24.

Даже монахи ужасающего Спасского монастыря были покорены танцем американской девушки

прекрасно вписывается в «романтическую историю русского танца», главными деятельницами которой были «Телешова, из-за которой был убит Грибоедов в Тегеране, Истомина, из-за которой Пушкин потерял и жену, и жизнь, и Евгения Колосова, из-за которой царь Павел был задушен в своем зимнем дворце».

После октябрьской революции балетный миф Народного трансформируется в цикл историй о судьбах звезд русского танца, в основе каждой из которых находится сюжет чудесного спасения балерины. В конце 1917 года Народный публикует в газетах фантастическую статью о бегстве дочери последнего российского императора Татьяны в Америку, где она якобы собирается выступать с танцевальными концертами (этой истории поверили тогда очень многие).¹ В августе 1919 года он печатает длинную статью о приключениях фаворитки Николая I Матильды Кшесинской и других танцовщиц Императорского балета.

В этой статье, с эпическим размахом озаглавленной «Что сделали большевики с прекрасным царским балетом: порою трагическая, порою комическая, но неизменно душераздирающая судьба прекрасных танцовщиц, некогда восхищавших испорченных великих князей и дворянство старой и навсегда исчезнувшей имперской России»,² Народный рассказывает о том, что

¹ Daughter of Former Czar Free. Tatiana Romanoff Escapes From Siberia by Fictitious Marriage. On Way to America // The Indianapolis Star. 1917. Nov. 26. P. 1. Кроме танцевальных выступлений, Татьяна собиралась в Америке писать сказки и рассказывать американкам об ужасных условиях жизни в современной России.

² *Narodny Ivan*. What the Bolsheviks Did to the Czar's Beautiful Ballet. The Sometimes Tragic, Sometimes Humorous — Always Pathetic — Fate of the Lovely and Famous Dancing Ladies Who Delighted the Wicked Grand Dukes and the Nobility of Old and Forever Vanished Imperial Russia // The San Francisco Examiner. 1919. Sept. 7. P. 8. Далее в текст настоящей статьи мы включаем переработанный фрагмент из нашей сетевой публикации: *Винуцкий Илья*. Товарищ Матильда: Пасторально-политический балет // Colta. 2017. 15 мая. См.: <https://www.colta.ru/articles/specials/14802-tovarisich-matilda> (дата обращения 31.10.2019).

«на самом деле» произошло с маленькой капризной королевой императорской сцены после революции, низвергнувшей ее августейшего покровителя, изгнавшей ее саму из подаренного царем дворца, в котором собиралась некогда вся аристократическая и артистическая богема Петрограда, и разрушившей сказочный мир Мариинского и Большого театров. В цикле об Айседоре мы видим «обратное общее место» этого мифа — Ленин или Держинский дарят Айседоре дворец для ее танцевальной школы (попутно заметим, что в сохранившемся в архиве Народного списке его статей указана статья об «обходительном («genial») палаче» Феликсе Держинском, о которой мы говорили ранее).¹

По версии Народного, от террора большевиков Кшесинской удалось спастись с помощью ее бывшего камердинера Феодора, который после революции стал советским функционером. Феодор предложил ей поменяться местами: он въехал в ее дворец, а она — в его домик в «деревне Лигова», находящейся во многих милях от Петрограда (на самом деле в современной черте города; там Кшесинская, кстати сказать, и родилась).

Кшесинская, пишет Народный на основании полученных им секретных сведений, лишившись своих прекрасных платьев и драгоценностей, переделалась в грубый костюм русской крестьянки. Вместо дворца она поселилась в избушке, состоявшей из двух комнат — жилой и кухни. У нее есть маленький садик с яблонями и хлев с коровой и лошадьми, принадлежащими крестьянскому хозяйству. Кшесинскую интересуют теперь кролики и собаки-волкодавы, которых она воспитывает в надежде заработать немного денег. Она сама работает на ферме, собственными руками выращивает картофель, капусту и т. д. Блестящая танцовщица довольна своей новой жизнью. Простые мужики и их жены, которые не умеют ни читать, ни писать, не ведают, кто она. Русские крестьяне, пишет Народный, страстно любят музыку и танцы. Очень часто молодые парни и девки собираются в сарае или на лугу и поют и танцуют под гармошку («concertina») или скрипку деревенского музыканта. Товарищ Матильда

---

¹ Center for Archival Collections Bowling Green State University. Vance Family Collection. MS-1184. Box 20. Folder 5.

принимает живое участие в этих увеселениях: танцует и поет вместе с другими. Однажды в деревню приехал странствующий цыганский оркестр («gypsy orchestra») и представил крестьянам фрагменты из нескольких известных российских балетов. Товарищ Матильда выскочила на площадку и исполнила в лунном свете с чарующим мастерством несколько чудесных па. Крестьяне, доселе не обращавшие особого внимания на ее талант, почесали в затылках и признали, что она весьма отличается от других баб.

Что было дальше, Народный не рассказывает, а переходит к судьбе других знаменитых балерин, которым удалось выжить в кровавую пору. Госпожа Гельцер нашла себя в новом большевистском театре и танцует в балете «Призрак буржуа», где ее пытается соблазнить куртуазный призрак в виде гигантского гриба, но отдается она грубому и сильному Геркулесу-пролетарию, уносящему ее за сцену. Тамара Карсавина, спасаясь от посягательств со стороны влиятельного большевика, сбежала в Лондон. А красавица-балерина Наташа Муратова отрезала свои прекрасные волосы, переделалась в цыганенка, взяла барабан, скрипку и собаку-волкодава (видимо, это любимая порода русских балерин, согласно Народному) по имени Борис и в костюме гадалщика отправилась странствовать. Она дошла до степного местечка под названием Киевка, где решила разводить коней и овец. Там же она нашла удивительную ягоду, из которой научилась делать одурманивающе вкусный напиток, заменивший вскоре местным жителям запрещенные властями водку и пиво. Потом из этой ягоды она стала делать конфеты, заработала достаточно денег, чтобы открыть свой магазин, в котором местные ребятки упаковывали сладости в берестяные коробочки, а обыватели собирались, кушали и обсуждали политику. И однажды она сняла свой грим и предстала перед местными жителями в образе удивительно прекрасной девушки в живописном южнорусском платье. Наконец, она стала вкладывать в коробочки свои отпечатанные фотографии с текстом, рассказывающим о ее судьбе. Также она дала клятву не выходить замуж и не продавать свой магазин до тех пор, пока власть большевиков не закончится в России.

Многие очаровательные балерины Императорского театра, свидетельствует Народный, ушли, подобно Кшесинской и Муратовой, в дальние деревни, и некоторые организовали там маленькие передвижные балетные труппы. Несметные богатства аристократов и купцов, исчезнувшие из городов, обнаружались теперь в отдаленных селениях, и уже никого не удивит деревенская баба с самыми чудесными изумрудами, рубинами и жемчугами на шее.

Разумеется, это бесконечное танцующее мифотворчество можно объяснить большим воображением автора, полностью игнорирующего исторические факты (так, например, Кшесинская после Февральской революции уехала с сыном в Кисловодск, а потом через Константинополь в Европу). Но дело в том, что «факты как таковые» Народному не были нужны. Перед нами своеобразная историко-эстетическая мечта, сказка, утопия, попытка спасти хрупкие создания старого мира хотя бы в воображении — готовое либретто для классического балета (Народный в самом деле писал либретто, которые посылал известным композиторам, включая своего многолетнего друга по переписке Рейнгольда Глиэра, посвятившего ему романс «Безумный жрец»¹). Можно сказать, что в творческой мифологии Ивана Народного Клио становится Терпсихорой и слово возвращается в «иррациональную» (дионисийскую) музыку. Не вдаваясь в подробности (это составило бы отдельный сюжет), заметим, что мифологема хрупкой балерины в жестоком мире

¹ Об этом посвящении Иван Народный сам попросил композитора, гастроль которого по Америке он вызвался организовать. В благодарственном письме к Глиэру от 30 мая 1916 года, хранящемся в РГАЛИ, Народный пересказывает сочиненное им либретто балета по мотивам этого романса: печальный киевский монах видит (в своем воображении) танец своей умершей возлюбленной (Письма Глиэра Р. М. Народному Ивану на русском и немецком языках // РГАЛИ. Ф. 2085. Оп. 1. Ед. хр. 422). Приведем слова этого романса (стихотворение С. Маковского), с лирическим героем которого Народный себя, несомненно, ассоциировал: «Безумный жрец шел много дней / без отдыха и сна. / Мои мечты — миры теней. / Любовь, любовь — одна. // И в дальний храм, с жезлом в руках, / вошел он как пророк. / Мои мечты — священный прах. / Любовь моя — мой рок. // Молился долго он один / и слез унять не мог. / Мечты мои — снега вершин. / Моя любовь — поток. // И к жертве приготовил он / святыню алтаря. / Мои мечты — рассветный сон. / Любовь, любовь — заря».

впоследствии трансформируется Народным в образ монгольской (джунгарской) принцессы Тани Ханум из рода Пресвитера Иоанна, жившего во времена Кубла Хана,¹ которая, если верить воскресной статье нашего автора от 18 февраля 1940 года,² готовилась победить японских захватчиков с помощью своего месмерического «танца смерти» (возможно того самого, который в свое время танцевали Айседора и Есенин).³ В свою очередь, тема «танца смерти» в сознании модерниста Народного была связана с одноименной мистической картиной его друга и покровителя Боба Ченлера, которую Иван Иванович отправил в Москву еще одному своему другу, первому американскому послу в СССР Вильяму Буллиту (по замыслу Народного, эта картина должна была висеть в посольстве США и пропагандистски-телепатически влиять на сталинскую Россию).⁴

Роберт Ченлер. «Танец смерти» (1914)

¹ «Прототипом» Тани Ханум была, по всей видимости, узбекская танцовщица, певица и балетмейстер Тамара Ханум, лауреат Сталинской премии 1941 года. Ей была посвящена восторженная статья Ленгстона Хьюза 1934 года, озаглавленная «Tamara Khanum: Soviet Asia's Greatest Dancer». Высокая оценка Хьюзом новаторского искусства и личности Ханум («a living symbol of that new freedom that has come to the women of Central Asia»), скорее всего, и возбудила балетное воображение Народного.

² *Narodny Ivan*. Gobi Princess Casts «Mystic Spell» To Foil Jap and Red Foes // *The San Francisco Examiner*. 1940. Feb. 18. P. 37.

³ Следует заметить, что у танцовщицы-спасительницы в балетном мифе Народного был свой демонический двойник — прекрасная соблазнительница-шпионка, обученная в специальном «Motnya College» в Ленинграде (по остроумному замечанию Н. Г. Охотина — трансформация знаменитого студенческого общежития на Мытне).

⁴ Этот сюжет мы подробно рассматриваем в другом материале, готовящемся в настоящее время к публикации.

Как мы видим, замечательной особенностью сказочного творчества Народного была способность сочинять мистификации «гроздьями» и «сериями» — из одного вымысла, вырастает другой, третий, четвертый и пятый-десятый; использованные мотивы развивают друг друга и другу другу противоречат, но автору нет дела до исправления неувязок, как мы могли видеть на примере дункановско-есенинского цикла. В итоге в своих апокрифических текстах-либретто ему удается создать особый красочный мир, населенный аристократами, революционерами, людьми искусства, великими учеными, археологами, монахами, мистиками, узниками, палачами, шпионами, роковыми женщинами, спасительными птицами и сочувственными мышами, в центре которого находится он сам — хранитель всех слухов и тайн мира, «духовный бродяга» и безумец, имперсонатор и «плэйбой воображения», владелец редчайших сокровищ и артефактов, друг и доверенное лицо всех знаменитостей, великий газетный «телепат» и «таблоидный модернист». В этом расщепленном на множество статей-осколков мире — в отличие от мира реального и ограниченного — возможны любые, даже самые невероятные, превращения и свободная «комбинаторная» игра народной фантазии, не останавливающейся ни перед какими преградами здравого смысла и — социальных и географических границ в пределах англоязычной газетной империи Херста, простирающейся от США и Канады до Австралии и Новой Зеландии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разумеется, безумное и непрерывное мифотворчество Народного-журналиста отражало не только эксцентрические черты его мышления (а человек он действительно был полусумасшедший), его материальные интересы (он всегда нуждался в деньгах), личные планы (создание утопии синкретического искусства во главе с жрецами, вроде «весталки» Айседоры) и комплексы (невероятные амбиции, стремление «раздуть» свою значимость до общемировой). Оно также «обнажало» главные особенности и приемы американской «желтой» (прежде всего воскресной) прессы с ее стремлением

к сенсационности, мелодраме и экзотике, безоглядной мобильностью, красочной поверхностностью, политической ангажированностью (хорошо видной на примере эволюции «айседориады» Народного), абсолютной всеядностью и циничной эксплуатацией не самых рафинированных читательских вкусов и ожиданий.¹ В каком-то смысле газетные статьи Народного можно уподобить мифической этрусской вазе Айседоры, в которой механически смешивается разный по своему происхождению пепел современной (и не только) истории.²

Следует заметить, что о Дункан Народный написал не только приведенный выше цикл историй, но и другие статьи (часто со ссылкой на подругу балерины и свою знакомую по богемному «Дому фантазии» Мэри Дести). Последние включали в себя многочисленные фантазии и слухи, которые ему самому иногда приходилось опровергать (например, широко растиражированную им новость о том, что перед смертью Айседора решила выйти замуж за патрона и благодетеля Народного эксцентричного миллионера-художника Боба Ченлера; если бы она вышла за него, утверждал Народный в одной сенсационной воскрес-

¹ *Mott F. L. American Journalism: A History, 1690–1960. New York, 1962. P. 539.* О прагматике и «поэтике» воскресных приложений к газетам Херста см. замечательную книгу друга и начальника Народного по «American Weekly» писателя-фантаста Эйба Мерритта: *Merritt A. The Story Behind the Story. New York, 1942.* По определению Мерритта, «The American Weekly» представляет собой журнал, основанный исключительно на фактах, имеющих отношение к миру, в котором мы живем — что делает этот мир, о чем думает, что ищет и что выбрасывает (p. 111). Цель еженедельника заключается в том, чтобы развлекать, учить и информировать читателей: «На каждой странице мы сжимаем, концентрируем и представляем со всей силой и ясностью, на которые мы только способны, первый, последний и главнейший интерес человека — интерес к САМОМУ СЕБЕ» (p. 179). Сенсационные статьи, публикуемые в еженедельнике, не искажают, но заостряют и «динамизируют» правду, сопровождая ее авторскими комментариями, напоминающими голос хора в античной трагедии (p. 27).

² Редактор «The American Weekly» уподоблял деятельность еженедельника работе «психологического химика», доводящего неподвижные («static») факты до состояния легкой усваивости: «Необходимо сделать эти факты приятными и аппетитными» (*Merritt A. The Story Behind the Story. P. 178*).

ной статье, то нашла бы наконец свое счастье). Между тем Народный не столько выдумывает свои истории, сколько преобразует (иногда до неузнаваемости) дошедшие до него слухи и встреченные им на страницах газет факты и свидетельства (в числе источников его фантазий также были выходившие во второй половине 1920-х годов фрагменты «исповеди великой танцовщицы» и статьи, посвященные смерти Есенина, печатавшиеся в газетах Херста и русскоязычной американской газете «Русский голос», литературный отдел которой вел друг Народного Давид Бурлюк¹). Так, тюремное заключение Есенина в легенде Народного, скорее всего, восходит к опубликованному в конце американского некролога поэту (29 декабря 1925 года) известию о том, что незадолго до смерти он был брошен советскими властями в темницу за критику режима² (возможно также, что до Народного дошли сведения о пребывании поэта в психоневрологическом отделении больницы незадолго до самоубийства³). Фантастический план Есенина выпрыгнуть с небоскреба Вулворта, по всей видимости, вырастает из слуха о том, что поэт пытался выброситься

---

¹ В феврале—марте 1923 года «Русский голос» печатал отрывки из «исповеди» Дункан, напечатанные в нью-йоркской революционной газете «Фрайхайд». О смерти Есенина газета сообщила уже 30 декабря 1925 года: «Он перерезал себе вены на руках и повесился. Возле него найдена записочка, которую он написал своей кровью. Но никто не может разобрать написанного». В посвященной самоубийству поэта передовой статье «Голос» указывал, со ссылкой на друзей Есенина, что поэт в последнее время «страдал сильным расстройством нервов», «отличался неуживчивым, буйным характером, страдал падучей болезнью и пил запоем». Кроме того, поэт, по приводимому «Голосом» свидетельству Горького, болел «горловой чехоткой». Иными словами, «поводов для самоубийства было много». В последующих номерах «Русский голос» печатал последние стихотворения Есенина («поэт готовился к смерти...»), некрологи и воспоминания друзей поэта (А. Ветлугина, А. Кусикова и др.), а также информацию о его похоронах и звучавших со стороны друзей Есенина обвинениях Дункан в его смерти.

² «Yessenin was sent to jail in Moscow for alleged criticism of the soviet regime. He explained that he was not attacking the soviets but Jewish war profiteers» (The Atlanta Constitution. 1925. Dec. 29. P. 1).

³ Американские газеты сообщали о пребывании поэта в «санатории» перед кончиной (см., например, в: Oakland Tribune. 1925. Dec. 30. P. 12).

из окна пятого этажа из квартиры нью-йоркского поэта Мани-Лейба Брагинского.¹ В свою очередь, тема античной урны Дункан восходит к изображениям танцовщиц на этрусских вазах в творческой легенде Айседоры, а сравнение Есенина с Эдгаром По — к приводимым американскими газетами словам Айседоры о том, что ее безумный муж подобен По своими гениальностью и болезненным темпераментом² (как известно, сам Есенин использовал это сравнение для оправдания своего знаменитого американского дебоша³). Существовала в действительности и американская танцовщица Дороти Биллингс, которую Народный якобы направил в тюремную камеру Есенина для утешения поэта, «посвятившего» ей написанные кровью стихи. В свою очередь, «истинные» прощальные стихи поэта, обращенные к Айседоре («Призыв к смерти») создаются мистификатором для того, чтобы творчески заполнить интригующую информационную лакуну (в американской прессе вначале сообщалось о найденном рядом с разбросанными письмами поэта и балерины и разорванной фотокарточкой их юного сына (sic!) предсмертном стихотворении, посвященном

¹ Левин В. Есенин в Америке // Русское зарубежье о Сергее Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи / Сост., вступ. ст. и комм. Н. И Шубниковой-Гусевой. М., 2007. С. 244.

² «Голос» сообщал, что и после разрыва с мужем Дункан сохранила самое лучшее мнение о поэте и считала его то вторым Пушкиным, то вторым Эдгаром По (Сергей Есенин покончил самоубийством // Русский голос. 1925. 30 дек.). В американских газетах еще в феврале и марте 1923 года печатались интервью с Дункан, в которых она сравнивала Есенина с «большим» американским гением: «His afflicted, poetical temperament is much like that of Edgar Allen Poe» (The Daily News. 1923. Feb. 17. P. 10); «He cannot live the life of an ordinary person. He is the most potent expression of the Slav soul alive. He is like Edgar Allen Poe. I hope his fate is not the same. He has gone to Russia to get away from synthetic civilization» (Lincoln Journal Star. 1923. March 5. P. 13). Уже после смерти Есенина в «Русском голосе» от 21 января 1926 года сообщалось о том, что советский суд признал вдовой Есенина не С. Толстую, а «знаменитую босоножку Исадору Дункан», с которой поэт не развелся.

³ «Это у меня та самая болезнь, которая была у Эдгара По, у Мюссе. Эдгар По в припадках разб<ивал> целые дома» (Есенин С.А. Письмо М.Л. Брагинскому. Конец января 1923 г. Нью-Йорк // Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 2005. Т. 6. С. 153).

Дункан) и «дезаурировать» напечатанный в газетах 31 декабря 1925 года перевод стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья» как произведение слабое и недостойное Есенина (в СССР это стихотворение было впервые опубликовано 29 декабря в «Красной газете» в статье Г. Устинова «Есенин и его смерть»)¹. Интересно, что полвека спустя некоторые есениноведы-конспирологи также подвергнут прощальные стихи поэта сомнению (правда, исходя из совершенно иных побуждений). Не будет преувеличением назвать безумную до смехотворности легенду Народного об Айседоре и Есенине прекрасной пародией не только на сенсационные публикации американской желтой прессы, но и на конспирологические фантазии некоторых есениноведов 1980–2000-х годов (чего стоит хотя бы версия о том, что на самом деле Дзержинского отравили за то, что он защищал автора «Страны негодяев» от гнева

¹ Приведем этот первый перевод последнего стихотворения Есенина на английский язык: «Farewell, my friend, farewell. / In my breast you live. / Fate decrees our parting. / Promising a meeting in other years. / Farewell, my friend: / Ne'er handclasp word. / Grieve not, nor cease your brows. / For us it is not new to die, / Nor to love more now». В публикации отмечалось, что несмотря на мужской род обращения к адресату в оригинале, «терминология указывает на то, что оно посвящено женщине» (Poem Written in Blood Made Public // The Birmingham News. 1925. Dec. 31. P. 13). 17 января 1926 года появился более точный перевод прощальных стихов Есенина: «Farewell, my friend, farewell. / Dear one, I feel you still in my breast; / Our fated parting betokens a meeting ahead. / Till we meet again, my friend, / Without hand or word. / Don't miss me and don't sadden your brow, / To die is not new in this life, but to live is naturally not newer» (Isadora Duncan's Hoodoo. The Distressing Series of Tragedies and Misfortunes Which Have Followed What Gave Every Promise of a Very Brilliant Career // New York American. 1926. Jan. 17. P. 119). Эти переводы не указаны в своде «посмертных публикаций и переводов произведений Есенина в периодике и сборниках» (Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 5. Кн. 2. С. 482–511). В Америке оригинал есенинского стихотворения был впервые опубликован в «Новом русском слове» за 31 января 1925 года. 16 января 1926 года стихотворение было напечатано в газете «Русский голос» со ссылкой на газету «Известия» («Новые подробности смерти Есенина»). В статье в «Русском голосе» приводились следующие детали: «Тогда он взял нож, разрезал в нескольких местах руку повыше кисти, обмакнул в собственную кровь перо, которое лежало на письменном столе, и написал...».

оскорбленных в этой поэме партийных лидеров еврейского происхождения! ¹).

Можно не сомневаться, что, если бы Иван Народный не умер в 1953 году в своем маленьком доме на вершине горы в глубокой коннектикутской глуши, то он бы продолжил свой цикл о Есенине и Дункан, — например, написал бы историю о талантливом сыне поэта (тоже поэте), рожденном в Калифорнии через девять месяцев после мимолетной связи Есенина с прелестной американкой Дороти в тюремной камере незадолго до трагического события в ночь с 27 на 28 декабря 1925 года. Впоследствии прах этого сына любви чудесным образом оказался бы в той же самой этрусской урне, которую из СССР переправили бы Народному его тайные агенты-почитатели и которую он бы попытался продать за большие деньги доверчивым американским любителям высокого и бессмертного искусства...

Что касается самих Есенина и Дункан, то в них газетчик Народный видел прежде всего иконические образы божественных жрецов-артистов американских «Roaring Twenties» и «дописывал» их судьбы в соответствии со своими представлениями об этом типе, ожиданиями американских читателей, подогретыми газетными рассказами о любви стареющей звезды-балерины и ее молодого экзотического мужа,

---

¹ Возможно, что в фантазии Ивана Народного (в середине 20-х годов заигрывавшего с большевиками) таким образом преломилась первая в истории есенинского мифа конспирологическая версия смерти поэта, сформулированная антибольшевистской рижской газетой «Слово» в статье от 5 января 1926 года: Есенин не покончил с собой, а был отравлен чекистами за то, что «очень досаждал» правительству своими «острыми сатирами на коммунистических заправил»; его последние стихи, написанные кровью, на самом деле были подделаны убийцами, а заключение о смерти сфабриковано. Составителям «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» не удалось обнаружить этот номер газеты в библиотеках. Изложение содержания этой публикации приводится в опубликованной на родине Народного тартуской газете «Postimees» от 6 января 1926 года (Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 5. Кн. 2. С. 259–260). 11 октября 1926 года «Русский голос» перепечатал из «Парижского вестника» гневный отклик на эту публикацию В. Елагина, заявившего, что «свиstopляска» у свежей могилы Есенина «уж очень гнусна и отвратительна» («Не впервые... (Ответ клеветникам)»). В версии Народного, как мы видим, ненавистники Есенина отравили не самого поэта (он убил себя сам), а его высокого заступника-чекиста.

требованиями «низового» авантюрного жанра, популярного в желтой прессе, и собственными теософическими идеями о грядущем духовном союзе Америки и России и синтезе поэзии, танца и жизни, высказанными им в книге о балете, многочисленных публикациях в американских музыкальных изданиях и письмах к друзьям.¹ Парадокс заключается в том, что такое наивное дописывание позволило ему почувствовать и выразить, доведя до логического (абсурдного) завершения, претенциозный, сенсационно-газетный, космополитичный, «оперный» и «безвкусный» характер трагического жизнетворчества реальных Есенина и Айседоры.

«Сказка, — замечают авторы новейшей биографии Есенина, — формула есенинской судьбы».² В неменьшей степени эти слова относятся и к судьбе Дункан. Но и в его, и в ее случае следует добавить один существенный эпитет — *газетная*, гламурная, миллионотиражная сказка как феномен (факт) международной богемной культуры 20-х годов от Сан Франциско до Ленинграда. Ужасные судьбы этих артистов, «выпавшие», используя выражение Юрия Тынянова, из их творчества, писаны не чернилами, не кровью, а типографским шрифтом газет, распространявших по миру современные легенды.³ Примечательно, что такой тонкий знаток русского модернизма, как В. Ф. Марков (явно предпочитавший «аутентичного» Велимира «вымученному» Сергею), серьезно отнесся к «„реалистической“ фантасмагории» завещания Есенина, созданной профессиональным газетчиком-сказочником и пересказанной в мемуарах американского

---

¹ «Наш идеал метафизики Время, — писал он о сути своего «космократического» учения Глиэру 12 августа 1935 года. — Наш бог — красота-искусство (sic!)» (Письма Глиэра Р. М. Народному Ивану...).

² Лекманов О. А., Свердлов М. И. Есенин: Биография. М., 2015. С. 359.

³ Структуралистский анализ «современных мифов» как материализованного языка власти был предложен Роланом Бартом в знаменитых «Мифологиях» (*Barthes R. Mythologies. Paris, 1957*). В нашей работе не ставится задача разоблачения новых мифов, выявления их корыстной политической и экономической подоплеки. Мы полагаем, что «доверительный» подход к культурным мистификациям и обманам позволяет увидеть в них своеобразные увеличительные стекла самых разных (в том числе и незамеченных до сих пор) историко-культурных процессов и конфликтов.

Иллюстрация к статье Ивана Народного о русской «религии танца», обнаруженной его американской ученицей, балериной Ладой

импресарио.¹ Хорошие историки культуры не только регистрируют рационально установленные факты и отсеивают вымыслы, но и прислушиваются, перефразируя Блока, к вульгарной, народной «музыке» современных мифов и самых невероятных слухов, сплетен и мистификаций, говорящих на своем смешном (низовом) и «мертвом» (формульном) языке не о том, что случилось на самом деле, а о том, в чем это дело заключалось по своей историко-культурной сути. В этом интерпретационном (астрально-метафизическом, как сказали бы теософы) плане Иван Иванович Народный оказывается едва ли не самым адекватным (то есть истинным) истолкователем и выразителем своей безумной эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров В. А. Переписка с Л. Н. Толстым Ивана Народного // Толстой и о Толстом: Материалы и исследования. М., 2002. Вып. 2. С. 329–334.
2. Винуцкий И. Песнь свободы: «Соединенные Штаты России» в политическом воображении русско-американского авантюриста // Новое литературное обозрение. 2019. № 1 (155). С. 169–197.
3. Винуцкий Илья. Товарищ Матильда: Пасторально-политический балет // Colta. 2017. 15 мая. См.: <https://www.colta.ru/articles/specials/14802-tovarisch-matilda> (дата обращения 31.10.2019).
4. Китвель Т. Ян Сибуль / Я. Талуне / Иван Народный: Очерк / Пер. П. И. Филимонова // Новые облака. 2017. № 1–2 (77–78). 23.08.2017. См.: <https://www.oblaka.ee/journal-new-clouds/1-2-2017/гойво-китвель-яан-сибуль-я-талуне-ива/> (дата обращения 31.10.2019).
5. Левин В. Есенин в Америке // Русское зарубежье о Сергее Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи / Сост., вступ. ст., комм. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М., 2007. С. 226–246.

¹ «Оперности» жуткой смерти Есенина, по Маркову, противостоит «подводное течение» его творчества — «смерть и все, что из нее и от нее растет», «утверждение неизбежной иной жизни после смерти» (Марков В. Ф. О русском «Чучеле совы». С. 250, 252).

6. *Лекманов О. А., Свердлов М. И.* Есенин: Биография. М., 2015.
7. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. [В 7 кн.] / Гл. ред. Н. И. Шубникова-Гусева. М., 2018. Т. 5. Кн. 2.
8. *Лотман Ю. М.* О Хлестакове // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. I. С. 337–364.
9. *Лотман Ю. М.* К проблеме работы с недостоверными источниками // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 2003. С. 324–329.
10. *Марков В. Ф.* О русском «Чучеле совы»: Статьи, эссе, разное. Новосибирск, 2012.
11. *Марченко А.* «В декабре в той стране...» // Вопросы литературы. 2011. № 5. С. 197–250.
12. Могут ли тексты лгать?: К проблеме работы с недостоверными источниками. Материалы Четвертых Лотмановских дней в Таллинском университете / Ред. и сост. Т. Д. Кузовкина. Tallinn, 2014.
13. *Скороходов М. В.* Сергей Есенин в зеркале американской периодической печати 1922–1925 годов // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 270–287.
14. *Тынянов Ю. Н.* Промежуток // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 168–195.
15. *Шубникова-Гусева Н. И.* «Объединяет звуком русской песни...»: Есенин и мировая литература. М., 2012.
16. *Ярославский Е.* Таммерфорская конференция большевиков 1905 г. М., 1940.
17. *Abramson J.* Learning from Lying: Paradoxes of The Literary Mystification. Newark: 2005.
18. *Barthes R.* Mythologies. Paris, 1957.
19. *Drapala L.* Building the House of Fantasy // Robert Winthrop Chanler: Discovering the Fantastic / Ed. by G. Wouters and A. Gollin. Vizcaya, 2016. Pp. 51–80.
20. *Eco U.* Travels in Hyper Reality: Essays. San Diego; New York; London, 1986.
21. *Ginzburg C.* The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller. Baltimore, 2013.
22. *Grafton A.* Forgers and Critics: Creativity and Duplicity in Western Scholarship. Princeton, 1990.
23. *Groom N.* Forger's Shadow: How Forgery Changed the Course of Literature. London, 2002.
24. *Kitvel T.* Kolm nime — üks mees. [s. l.], 2017.
25. *Martinsen D. A.* Surprised by Shame. Dostoevsky's Liars and Narrative Exposure. Columbus, 2003.
26. *McVay G.* Isadora & Esenin. Ann Arbor, 1980.

27. *Mott F. L.* American Journalism: A History, 1690–1960. New York, 1962.
28. *Radnóti S.* The Fake: Forgery and its Place in Art. Lanham, Md.; Oxford, 1999.
29. *Ruthven K. K.* Faking Literature. New York, 2001.

REFERENCES

1. *Abramson J.* Learning from Lying: Paradoxes of The Literary Mystification. Newark: 2005.
2. *Aleksandrov V. A.* Perepiska s L. N. Tolstym Ivana Narodnogo // Tolstoj i o Tolstom: Materialy i issledovaniya. M., 2002. Вып. 2. S. 329–334. (In Russ.)
3. *Barthes R.* Mythologies. Paris, 1957.
4. *Drapala L.* Building the House of Fantasy // Robert Winthrop Chanler: Discovering the Fantastic / Ed. by G. Wouters and A. Gollin. Vizcaya, 2016. Pp. 51–80.
5. *Eco U.* Travels in Hyper Reality: Essays. San Diego; New York; London, 1986.
6. *Ginzburg C.* The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth–Century Miller. Baltimore, 2013.
7. *Grafton A.* Forgers and Critics: Creativity and Duplicity in Western Scholarship. Princeton, 1990.
8. *Groom N.* Forger’s Shadow: How Forgery Changed the Course of Literature. London, 2002.
9. *Kitvel T.* Kolm nime – üks mees. [s. l.], 2017.
10. *Kitvel T.* Yan Sibul’ / Ya. Talune / Ivan Narodnyj: Oчерk / Per. P. I. Filimonova // Novye oblaka. 2017. № 1–2 (77–78). 23.08.2017. Sm.: <https://www.oblaka.ee/journal-new-clouds/1-2-2017/тойво-китвель-яан-сибуль-я-талуне-ива/> (data obrashcheniya 31.10.2019). (In Russ.)
11. *Levin V.* Esenin v Amerike // Russkoe zarubezh’e o Sergee Esenine: Vospominaniya, esse, oчерki, recenzii, stat’i / Sost., vstup. st., komm. N. I. Shubnikovej-Gusevoj. M., 2007. S. 226–246. (In Russ.)
12. *Lekmanov O. A., Sverdlov M. I.* Esenin: Biografiya. M., 2015. (In Russ.)
13. Letopis’ zhizni i tvorchestva S. A. Esenina: V 5 t. [V 7 kn.] / Gl. red. N. I. Shubnikova-Guseva. M., 2018. T. 5. Kn. 2. (In Russ.)
14. *Lotman Yu. M.* O Hlestakove // Lotman Yu. M. Izbrannye stat’i: V 3 t. Tallinn, 1992. T. I. S. 337–364. (In Russ.)
15. *Lotman Yu. M.* K probleme raboty s nedostovernymi istochnikami // Lotman Yu. M. Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat’i i zametki; «Evgenij Onegin»: Kommentarij. SPb., 2003. S. 324–329. (In Russ.)

16. *Markov V. F.* O russkom «CHuchele sovy»: Stat'i, esse, raznoe. Novosibirsk, 2012. (In Russ.)
17. *Marchenko A.* «V dekabre v toj strane...» // *Voprosy literatury*. 2011. № 5. S. 197–250. (In Russ.)
18. *Martinsen D. A.* Surprised by Shame. Dostoevsky's Liars and Narrative Exposure. Columbus, 2003.
19. *McVay G.* Isadora & Esenin. Ann Arbor, 1980.
20. Mogut li teksty lgat'?: K probleme raboty s nedostovernymi istochnikami. Materialy Chetvertyh Lotmanovskih dnei v Tallinskom universitete / Red. i sost. T. D. Kuzovkina. Tallinn, 2014. (In Russ.)
21. *Mott F. L.* American Journalism: A History, 1690–1960. New York, 1962.
22. *Radnóti S.* The Fake: Forgery and its Place in Art. Lanham, Md.; Oxford, 1999.
23. *Ruthven K. K.* Faking Literature. New York, 2001.
24. *Shubnikova-Guseva N. I.* «Ob»edinyaet zvukom russkoj pesni...»: Esenin i mirovaya literatura. M., 2012. (In Russ.)
25. *Skorohodov M. V.* Sergej Esenin v zerkale amerikanskoj periodicheskoj pechati 1922–1925 godov // *Literatura dvuh Amerik*. 2017. № 3. S. 270–287. (In Russ.)
26. *Tynyanov Yu. N.* Promezhutok // *Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury*. Kino. M., 1977. S. 168–195. (In Russ.)
27. *Vinickij I.* Pesn' svobody: «Soedinennye Shtaty Rossii» v politicheskom vobrazhenii russko-amerikanskogo avanturista // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2019. № 1 (155). S. 169–197. (In Russ.)
28. *Vinickij Il'ya.* Tovarishch Matil'da: Pastoral'no-politicheskij balet // *Colta*. 2017. 15 maya. Sm.: <https://www.colta.ru/articles/specials/14802-tovarisch-matilda> (data obrashcheniya 31.10.2019). (In Russ.)
29. *Yaroslavskij E.* Tammerforskaya konferenciya bol'shevikov 1905 g. M., 1940. (In Russ.)